

Глава 4

— Брат Хуа! Брат Хуа! — ещё издалека окликнул его Император Хуагай. Он шёл так быстро, словно едва ли не бежал, торопливо сокращая расстояние между ними.

Услышав оклик, Хуа Тянь обернулся.

«А, это Хуагай».

Хуа Тянь неспешно, плывущей походкой двинулся ему навстречу. Он даже не заметил, как стоявший рядом Лань Цзыцзюнь помрачнел, а его лицо исказила тень недовольства.

— Хуагай! — Хуа Тянь по-свойски приобнял высокого, статного императора за шею, изо всех сил стараясь удержать руку на его плече. — А удружил ты мне с этой должностью, отличное местечко нашёл!

Хуагаю пришлось слегка присесть и шире расставить ноги, подстраиваясь под невысокого приятеля, чтобы со стороны их объятия не выглядели совсем уж нелепо.

— Брат Хуа, я предложил твою кандидатуру лишь потому, что эта должность подходит тебе как нельзя лучше, — мягко ответил император.

— Ха-ха! Вот эти слова мне по душе! — Хуа Тянь разжал пальцы и отпустил императора. Напрягаться обоим явно надоело, так к чему эти мучения? — Завтра в Подземном царстве пир горой по случаю моего вступления в должность. Ты уж обязательно приходи, не забудь!

Впрочем, не встретятся они сейчас случайно, Хуа Тянь всё равно разыскал бы императора, чтобы вручить приглашение лично. В конце концов, Хуагай был его благодетелем.

Тот вежливо кивнул, сложил руки в приветственном жесте и, спешно распрощавшись, пошёл дальше.

Хуа Тянь проводил его недоумённым взглядом.

«Странно всё это. Шёл с таким видом, будто собирался проболтать со мной три дня и три ночи, а улетучился в один миг».

— Куда это он так несется, словно на пожар? — пробормотал Хуа Тянь.

Лань Цзыцзюнь пропустил его слова мимо ушей. Сжав ладонью живот, он сухо бросил:

— Что-то мне нездоровится, живот прихватило. Ступай к Южным небесным вратам и жди меня там.

Развернувшись, он стремительно скрылся из виду, явно не желая проводить с Хуа Тянем ни единой лишней секунды.

Хуа Тянь задумчиво потёр подбородок.

«Тут явно что-то нечисто. Я ведь не дурак и прекрасно видел, какими многозначительными взглядами только что обменялись Хуагай и Лань Цзыцзюнь».

Ноги сами понесли Хуа Тяня следом. Крадучись, петляя по переулкам небесного города, он шёл за Судьёй ада по пятам, пока они не вышли к величественным чертогам. Подняв голову, Хуа Тянь прочитал выведенное на сияющей вывеске золотыми иероглифами название: «Дворец Доушуай».

Этот дворец, расположенный на Небесах разлук и сожалений, служил одной из обителей Императора Хуагая.

У входа дежурили двое юных слуг-послушников. Прошмыгнуть внутрь незамеченным не представлялось возможным, поэтому Хуа Тянь, выбрав укромный уголок, приник ухом к стене.

В Небесном дворце испокон веков царил покой: небожители обладали столь великой силой, что держать стражу внутри резиденций никто не додумывался — все дозоры стояли у Южных небесных врат. Именно это беспечное отношение и сыграло Хуа Тяню на руку. Хуагай даже помыслить не мог, что у его собственных дверей кто-то посмеет шпионить, а потому со спокойной душой оставил караулить вход лишь двух круглолицых мальчишек.

— Цзыцзюнь, возьми пока это.

—...

— Принимай строго в положенное время...

—...

Хуа Тянь изо всех сил вытягивал шею и напрягал слух, но сквозь толщу камня долетали лишь обрывки фраз. Вопросов стало только больше. Что за снадобье Хуагай передал Судье ада?

Сгорая от любопытства, Хуа Тянь побрёл обратно к Южным небесным вратам. Взобравшись на спину своего верного огромного чёрного ворона Дахэя, он погрузился в раздумья.

«С какой стати верховному божеству водить дружбу с обычным Судьёй ада из преисподней? Ладно бы Лань Цзыцзюнь был душой компании, так ведь нет — характер у него скверный, желчный и язвительный. Как они вообще сошлись? Да ещё и секретничают за чужими спинами... Похоже, у них есть какая-то тайна, о которой посторонним знать не положено».

Вскоре у ворот появился и сам Лань Цзыцзюнь. Хуа Тянь тут же соскочил на землю и с самым радушным видом подскочил к нему:

— Ну что, отпустило? Живот больше не крутит?

— Не твоего ума дело, — раздражённо отмахнулся Лань Цзыцзюнь. В его голосе отчётливо слышалась затаённая злость.

Хуа Тянь прикусил язык. Он-то надеялся выведать у Судьи ада хоть что-нибудь, но при таком приёме благоразумнее было затаить дыхание и помалкивать.

Хуа Тянь ума не мог приложить, чем не угодил этому человеку. Оставив в стороне природную язвительность Судьи ада, с самой первой минуты их встречи Хуа Тянь кожей ощущал исходящую от него враждебность. С другими Лань Цзыцзюнь держался вполне сносно, порой даже улыбался, но стоило ему заговорить с Хуа Тянем, как его настроение менялось непредсказуемо, точно весенняя погода. В редкие «ясные» моменты он сквозь зубы бросал пару фраз, а в «ненастные» — темнел лицом, словно грозовая туча, и вокруг него разливалось такое тяжёлое, давящее напряжение, что становилось трудно дышать.

Так, в полном молчании, они и вернулись в Подземное царство.

По возвращении Хуа Тянь устроил пир на три дня и три ночи. Как и предсказывал Судья ада, приглашение приняла чуть ли не половина Небесного дворца. Гости валили валом, залы ломились от угощений, и обычно мрачные, холодные чертоги Подземного царства наполнились весёлым гомоном, песнями и звоном чаш.

Протискиваясь сквозь толпу гостей, Хуа Тянь высматривал своего благодетеля и наконец обнаружил Императора Хуагая — тот сидел в самом глухом углу и в одиночестве цедил вино. Хуа Тянь победоносно ухмыльнулся: пришло время пустить в ход хитроумный план, который он вынашивал последние дни.

— Ступай и перелей то крепкое зелье, что я принёс вчера, в самые простые, невзрачные кувшины, — негромко приказал он подвернувшемуся под руку призрачному слуге.

Хуа Тянь рассудил просто: стоит императору как следует пригубить хмельного, и все тайны сами посыплются из него наружу. Любопытство буквально сжигало новоиспечённого владыку

ада изнутри, так что к осуществлению замысла он подошёл со всей серьёзностью.

Служка оказался малым смышлёным. Мигом смекнув, что задумал господин, он притащил два увесистых глиняных кувшина, до краёв наполненных крепчайшим вином.

Хуа Тянь бесцеремонно уселся рядом с Хуагаем, придвинул к нему один из сосудов и зычно провозгласил:

— Ну что, Хуагай! Сегодня пьем до дна, пока земля из-под ног не уйдёт!

Император сомнительно покосился на внушительную бадью и нахмурился:

— Хмельное я переносу плохо. Прошу тебя, брат Хуа, не суди строго.

«В том-то и весь расчёт!» — мысленно возликовал Хуа Тянь.

Однако вслух вежливо затараторил:

— Да брось ты! Мы же собрались повеселиться, к чему эти условности? Пей сколько сможешь, главное — душа!

Хуа Тянь выдернул зубами пробку и принялся жадно, шумно пить прямо из горла. Хуагай же аккуратно наполнил крошечную пиалу и принялся цедить влагу мелкими глотками — сосредоточенно и чинно, будто занимался решением государственной важности.

После нескольких чарок хмель ударил в голову.

— Слышь, Хуагай... хватит качаться, у меня аж в глазах рябит, — Хуа Тянь потянулся к приятелю, надеясь удержать его на месте, но пальцы хватали лишь воздух. Он безуспешно попытался схватить императора за плечо раза три, не меньше.

— Брат Хуа, я сижу смирно. Похоже, ты изрядно перебрал, — император покачал головой и, выставив перед его носом палец, спросил: — Сколько пальцев ты видишь?

— Десять! — не задумываясь, выпалил Хуа Тянь. Схватив императора за руку, он глуповато захихикал: — Ого... Хуагай, ты и впрямь великий бог! Надо же, целых десять пальцев на одной ладони!

Император лишь вздохнул и подозвал проходящего мимо служку:

— Уведите вашего господина в опочивальню. Он лыка не вяжет.

Служка растерянно замялся:

— Простите, Ваше Величество... Но господин Лань строго-настрого запретил пускать господина Хуа в покои, если тот напьётся.

— Вот как? — на вечно бесстрастном лице Хуагая промелькнуло удивление. — Я знал, что Цзыцзюнь терпеть не может беспорядок, но не думал, что его придирчивость зайдёт так далеко, что он станет распоряжаться в чужой спальне.

Призрак покрылся холодным потом. Едва не проболтался! Лань Цзыцзюнь ведь ясно дал понять: любой, кто разинет рот, немедленно отправится прямиком в Круг сансары на перерождение. Судорожно сглотнув, слуга поспешил поддакнуть:

— Да-да, именно так! Наш господин Лань просто... до крайности чистоплотен!

— И где же тогда приклонить голову брату Хуа? — Хуагай опустил взгляд на хмельного Хуа Тяня, который увлечённо пересчитывал собственные пальцы.

— Не беспокойтесь, Ваше Величество, господин Лань обо всём позаботился заранее, — служба подхватил мычащего Хуа Тяня под мышки и поволок прочь.

Император проводил их озадаченным взглядом. Лань Цзыцзюнь всегда отличался практичностью, но чтобы он проявлял такую заботу о пьяном Хуа Тяне... Впрочем, какая разница? Они в Подземном царстве, здесь с владыкой ада точно ничего дурного не случится.

Пройдя по тёмным переходам, слуга притащил бесчувственное тело владыки в загон для скота и бесцеремонно свалил его на кучу подсохшего сена.

— Уж не обессудьте, господин, — пробормотал он, отряхивая руки. — Против воли господина Ланя я пойти не могу. Сами потом разбирайтесь.

Хуа Тянь лишь невнятно замычал во сне и перевернулся на бок, зарываясь носом в солому. Решив, что долг выполнен, призрак поспешил вернуться к праздничным столам.

Так великий и ужасный Владыка ада остался ночевать в хлеву.

Держи он себя поостороже, ни один слуга не осмелился бы обойтись с ним столь непочтительно. Но Хуа Тянь вечно паясничал и дурачился, из-за чего подчинённые ни в грош его не ставили. В Подземном царстве все без исключения привыкли беспрекословно подчиняться железной руке Лань Цзыцзюня. Впрочем, самого Хуа Тяня это мало заботило. Пока Судья ада тащил на себе всю бумажную и организационную волокиту, новоявленный владыка мог жить припеваючи.

— Ах ты, тварь упрямая... А ну выходи! Клянусь, я из тебя всю душу вытрясу! — Хуа Тянь брыкался и размахивал кулаками, переживая во сне свою нелепую кончину. В пылу воображаемой схватки с ослом он с размаху приложился костяшками о деревянную опору навеса.

Резкая боль мгновенно выбила хмель из головы. Ойкнув, он рывком сел на соломе.

С трудом продрав глаза, Хуа Тянь недоумённо огляделся.

«Привидится же такое...»

Какого чёрта? Он ведь только что пировал с богами! Как его занесло в конюшню?

— Отвечай, чьих это рук дело?

— Господин Лань, пустяки, всё в порядке...

— Я спрашиваю, кто посмел, а ты мне зубы заговариваешь! Все твои оправдания за уши притянуты!

— Ха-ха... Ослиных ушей тут точно нет, а вот Лошадиная Сила сейчас как раз вовсю пьянствует на празднике...

— Молчи уж. С тобой говорить — только воздух сотрясать.

—...

Долетевшие снаружи голоса заставили Хуа Тяня окончательно протрезветь. Один из них, без сомнения, принадлежал Лань Цзыцзюню. Второй голос тоже казался смутно знакомым, но сонная голова наотрез отказывалась соображать.

Решив вспомнить старые привычки, он бесшумно пополз к выходу и притаился за высокой копной сена, превратившись в слух.

На этот раз преграды перед ним не было, и Хуа Тянь смог всё хорошенько разглядеть.

«Живое непостоянство?»

Да, это был тот самый проводник душ, что притащил его на закорках в Дифу. И пускай лицо гостя скрывал плотный слой белил и ритуальной туши, Хуа Тянь узнал бы его из тысячи. Слишком уж нелепо смотрелся этот малый: безразмерный чёрный балахон висел мешком на его хрупком теле, а пояс, который был велик на добрых три обхвата, едва держался на узких бёдрах. Но главным приметным знаком оставались глаза — раскосые, лучащиеся мягким светом «персиковые» очи. Такую деталь не способна скрыть никакая краска.

Но что они здесь делали?

Лань Цзыцзюнь крепко сжимал запястье Живого непостоянства. Из-под его пальцев на землю глухо падали тёмные капли. Судя по всему, рана скрывалась глубоко под широким шёлковым рукавом проводника.

Взыграли прежние обиды на несносного Судью ада. Решив, что этот деспот затеял расправу над несчастным подчинённым, Хуа Тянь взвился от ярости. Позабыв об осторожности, он выскочил из своего укрытия и зычно крикнул:

— А ну пусти его! Живо!

Хуа Тянь всей душой ненавидел самодуров, упивающихся властью. Что среди живых, что среди мёртвых — он никому не позволял безнаказанно измываться над слабыми. К тому же теперь именно он, Хуа Тянь, был полновластным хозяином Подземного царства, а значит, последнее слово оставалось за ним.

Оба застыли, уставившись на нарушителя спокойствия с крайним изумлением.

Поскольку ответа не последовало, Хуа Тянь шагнул ближе и, ткнув пальцем прямо в нос Судье ада, грозно спросил:

— По какому праву ты вершишь здесь самосуд?

— И какой же глаз у тебя такой зоркий, что разглядел тут пытки? — Лань Цзыцзюнь брезгливо отвёл его руку в сторону и остался стоять непоколебимо, как скала.

Хуа Тянь не повёлся на эту уловку. Повернувшись к раненому, он подбодрил его исполненным благородства голосом:

— Не бойся его, Живое непостоянство! Говори всю правду, теперь я твой заступник. Никто тебя не тронет.

— Владыка... Господин Лань ни в чём не виноват, он меня пальцем не тронул, — проводник не решился поднять глаз на Хуа Тяня. Ноги его подкосились, и он бессильно опустился на колени прямо в дорожную пыль.

— А рука твоя откуда тогда кровит? — Хуа Тянь присел перед ним на корточки и бережно потянул к себе пострадавшую конечность. Рукав пропитался багровой влагой, а ладонь покрылась коркой подсыхающей крови.

— Я... я просто неловко оступился... поранился о камень...

«Оступился он, как же! — сердито подумал Хуа Тянь. — Края пореза ровные и глубокие — чистейший след от лезвия. Проводник нагло врёт мне в лицо, явно пытаюсь кого-то выгородить».

Хуа Тянь собрался было устроить ему настоящий допрос, но Живое непостоянство внезапно покачнулось, глаза его закатились, и он ничком повалился на землю. Реагируя быстрее, чем соображая, Хуа Тянь выставил ногу, подставляя колено под падающее тело, чтобы тот не приложился лицом о камни.

— Если не знаешь сути дела, помалкивай и не лезь не в свои сани, — Лань Цзыцзюнь грубо оттолкнул плечом Хуа Тяня, подхватил потерявшего сознание проводника на руки и стремительно понёс его прочь из конюшни.

Хуа Тянь, чувствуя себя абсолютно лишним и незаслуженно обиженным, надулся, но всё же поплёлся следом за Судьёй ада.

<http://bllate.org/book/18412/1796455>